

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

Какъ и когда писался „Панъ Тадеушъ“.

Мицкевичъ, унеся свою Литву съ собою за границу, былъ ею, можно сказать, постоянно боленъ: куда бы ни отправлялся, что бы ни дѣлалъ онъ—образы Литвы вездѣ его преслѣдовали неотступно; какъ поэтъ, онъ стремился ихъ воплотить, написать что-нибудь такое, что было бы насквозь пропитано Литвою и вмѣстѣ стоило бы Литвы: было бы также, по возможности, роскошно и благоуханно, какъ снившіеся ему и недававшіе нигдѣ покою ея лѣса и пажити, какъ Бѣловѣжская пуца, какъ злачные берега Нѣмана.

Очень скоро, послѣ бурныхъ дней революціи 1830—31 г., едва волны польской эмиграціи осѣли на разныхъ удобныхъ для нихъ пунктахъ Европы, отхлынувъ отъ отечества,—сталъ строиться въ душѣ поэта планъ „Сельской поэмы“, въ родѣ Германа и Доротеи,—поэмы, которой дѣйствіе происходитъ въ Литвѣ. Планъ этотъ принялъ болѣе опредѣленные формы, когда поэтъ очутился въ деревнѣ одного стараго пріятеля, въ княжествѣ Познанскомъ. Тамъ вырвалось у него изъ самаго сердца это несравненное по простотѣ начало:

Litwo, ojczyzna moja, ty jesteś jak zdrowie:
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił...¹⁾

Описаніемъ „шляхетскаго фольварка на Литвѣ“ заключился первый „познанскій“ отрывокъ.

Затѣмъ, осенью 1832 г., поэтъ перебрался на житье въ Парижъ.

¹⁾ По-русски это вышло такъ:

Отчизна милая, подобна ты здоровью:
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя....

Печатаніе „Дзядовъ“, „Книгъ Скитальчества“ и сочиненій Стефана Гарчинскаго занимало почти все время Мицкевича въ теченіи, нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду. Новой, только что начатой поэмѣ онъ удѣлялъ очень немного минутъ. Поэта окружали тогда слѣдующія лица: Антоній Горецкій, Богданъ Залѣсскій, Игнатій Домейко, Богданъ Янскій, Стефанъ Зань; потомъ къ нимъ присоединились: Стефанъ Витвицкій и Іосифъ Залѣсскій, братъ Богдана. Все это были люди болѣе или менѣе литературные. Витвицкій писалъ недурные стихи, а Богданъ Залѣсскій былъ даже извѣстный поэтъ. Разговоръ ихъ преимущественно вертѣлся около литературы, но часто заплѣлись, какъ бы нечаянно, модные, революціонные вопросы тѣхъ дней и порождали праздные споры и толки. Мицкевичъ жалуется на это въ письмахъ къ друзьямъ.

Вскорѣ потомъ этотъ небольшой кружокъ близкихъ и, такъ-сказать, родственныхъ Мицкевичу по ремеслу людей, значительно увеличился наплывомъ всякаго народа изъ разныхъ польскихъ и французскихъ политическихъ партій и революціонныхъ комитетовъ, которые творились тогда въ Парижѣ поминутно, смѣняясь одинъ другимъ, одинъ другому подставляя ногу. Скромныя стѣны жилища Мицкевича увидѣли генераловъ: Дембинскаго, Мысь-Мицельскаго, Владислава Замойскаго, музыканта Шопена, скульптора Давида; членовъ Лелевельскаго комитета: Леонарда Ходзьку, К. Е. Водзинскаго; потомъ людей разныхъ партій: Ворцеля, Шарля Монталамбера, Шеміота, братьевъ Собанскихъ, Реттеля, Цезаря Платера, Вротновскаго, Вейсендорфа, Колыско и множество другихъ, для кого разговоръ о поэзіи, о литературѣ былъ дѣломъ далеко не первостепеннымъ, даже вовсе ненужнымъ. Имъ бы лишь поговорить пошумнѣе и позадорнѣе о Польшѣ, о ея несчастіяхъ, о революціяхъ вообще и о польскихъ въ особенности.

Мицкевичъ никогда не раздѣлялъ революціонныхъ фантазій своихъ соотчичей, не вѣрилъ ни въ силы Польши, чтобъ она могла достойно бороться съ врагами, ни въ покровительство европейскихъ державъ. Въ поэмѣ „Панъ Тадеушъ“ онъ высказываетъ кое-какія свои мысли объ этомъ устами Матвѣя Кролика... Но въ бесѣдахъ съ соотечественниками Мицкевичъ былъ полякомъ, какъ всѣ поляки: шумѣлъ, ораторствовалъ, пускалъ въ ходъ всякіе софизмы... Такъ онъ велъ себя до поры до времени и съ главной массой своихъ гостей, отъ которыхъ несло скорѣе табакомъ и порохомъ, чѣмъ еиміамомъ Апполонова храма. Онъ сыпалъ имъ цвѣтитыя фразы, исполненныя блеску и живости, удивлялъ ихъ оригинальностью и новизною оборотовъ. Говорилъ онъ вообще, особенно въ минуты вдохновенія, увле-

кательно. Бывали, впрочемъ, случаи, когда поэтъ остерегалъ черезъ-чуръ горячихъ и неугомонныхъ, завязывались непріятные для него споры...

Такъ текли дни за днями, а новая поэма не подвигалась, или подвигалась очень медленно. Мицкевичъ самъ говорилъ ближайшимъ друзьямъ, что „все это, эти сходки, занятія и разные хлопоты душатъ его милаго „Тадеуша“ въ пеленкахъ“.

Судьба сжалилась надъ новорожденнымъ. Французы затѣяли вмѣстѣ съ поляками *soupr-d'état*. Маршалъ Клозель, перемолвясь съ генераломъ Дверницкимъ и другими вліятельными поляками, сталъ въ главѣ національной гвардіи и предмѣстевъ. Подъ окнами короля гремѣла день и ночь Марсельеза. Дверницкій и многіе другіе поляки высшихъ чиновъ разгуливали по Тюльерійскому саду въ польскихъ мундирахъ, съ саблями у боку. До вспышки было недалеко. Правительство, однако, нашло способы устранить ее, войдя въ соглашеніе со своими, а любезныхъ гостей, кто нарушилъ законы, обязательные для скитальцевъ, принятыхъ подъ чужой кровъ, французская полиція попросила выѣхать. Этого требовала, сверхъ того, и политика: отношенія Франціи къ Россіи и другимъ державамъ. По Царству Польскому бродили воззванія: „Къ русскому народу, къ польскимъ воинамъ, къ евреямъ“, подписанное членами Лелевелевскаго комитета. Бродили воззванія того же комитета по Австріи и Пруссіи.¹⁾ Вездѣ проповѣдовались революціи и революціи — и поляки являлись тутъ первыми зажигателями. Всѣмъ правительствамъ было извѣстно о замыслахъ Заливскаго поднять походъ противъ Россіи, а если онъ удастся, то и противъ другихъ.²⁾

Многіе изъ посѣщавшихъ Мицкевича должны были выбраться изъ Парижа. Другіе, оставшіеся кое-какъ, всѣми неправдами, въ его стѣнахъ, казались крайне раздраженными, говорили Богъ-знаетъ что. Дверь поэта затворилась для всѣхъ, кромѣ избраннаго кружка, состоявшаго преимущественно изъ писателей и артистовъ. Имъ позволялось посѣщать пріятеля когда угодно. Они входили и выходили, не обращая вниманія на хозяина, который дѣлалъ свое дѣло: обѣдалъ, писалъ, обдумывалъ что-нибудь — тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостей, въ другомъ углу квартиры. Заброшенный „Тадеушъ“ былъ призванъ къ жизни. Работа пошла ходко. „Книги Скитальчества“ пріостановились. Изданіе сочиненій Гарчинскаго близилось къ

¹⁾ «Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», Москва, 1873, стр. 14—19.

²⁾ Тамъ же, стр. 16—24 и далѣе.

концу. 8-го декабря н. ст. 1832 г. Мицкевичъ пишетъ къ старому своему другу, Одынцу: „Принялся писать сельскую поэму, въ родѣ Германа и Доротеи... и уже накопалъ (ukropiłem) тысячу стиховъ“.

Настроение поэта и кружка, который его посѣщалъ, приняло (вслѣдствіе душевной атмосферы, окружавшей поляковъ въ Парижѣ) религіозный характеръ. У Мицкевича устроились вечернія собранія для пѣнія молитвъ. Антоній Горецкій, какъ старшій лѣтами, обыкновенно начиналъ пѣть какую-нибудь молитву, а другіе присоединяли потомъ свои голоса. Поэтъ постоянно твердилъ друзьямъ, что „надо бросить пока учрежденіе всякихъ комитетовъ, а стараться всѣми силами передѣлать себя къ лучшему, пробудить въ разбитыхъ и разстроенныхъ сердцахъ уснувшую вѣру, надежду и любовь“. Не безъ того, чтобы иногда подобныя бесѣды не принимали мистическаго направленія. Мицкевичъ, всегда склонный къ мистицизму, въ то время былъ уже пропитанъ имъ насквозь и сообщалъ друзьямъ кое-какія, якобы хорошо ему извѣстныя, подробности о жизни того міра, о іерархіи духовъ.

Случилось, что среди такихъ занятій то поэмой, то изданіемъ сочиненій Гарчинскаго, поэтъ продалъ всендзу Александру Еловицкому, имѣвшему въ Парижѣ свою польскую типографію, переведеннаго имъ незадолго передъ тѣмъ въ Дрезденѣ Байронова „Гяура“. Условіе было подписано. Вдругъ рукопись куда-то пропала. Сколько ни искали, не могли найти нигдѣ. Нечего дѣлать: поэтъ сѣлъ снова за работу, за новый переводъ Гяура — и кончилъ его въ мѣсяцъ, припомнивъ конечно, кое-что изъ стараго, но жаловался друзьямъ, что многія хорошія вещи безвозвратно пропали.

Это обстоятельство прервало занятія „Тадеушемъ“. Мицкевичъ воротился къ нему только передъ весною 1833 г., и въ короткое время написалъ вторую и третью пѣсни. Въ письмѣ къ Одынцу отъ 20-го апрѣля н. ст. 1833 г., поэтъ говоритъ: „опять воротился къ сельской поэмѣ, которая въ настоящее время составляетъ любимое мое дѣтище. Пишу — и мнѣ кажется, что я въ Литвѣ“.

Среди этихъ работъ поэтъ посѣщалъ довольно часто Люксембургскій садъ и тамъ бродилъ по аллеямъ, думая стихами „Тадеуша“. Домейко, состоявшій тогда чѣмъ-то въ школѣ французскихъ минеровъ, имѣлъ недалеко отъ Люксембургскаго сада уединенную квартиру, домикъ съ окнами на всѣ четыре стороны, какъ фонарь. Мицкевичъ напросился туда и тамъ писалъ. Но тѣснота помѣщенія и еще кое-какія обстоятельства видимо его стѣсняли... Поэтому Стефанъ Зантъ пріискалъ пріятелю другую квартиру, на улицѣ св. Николая Антенскаго (St. Nicolas d'Antin), двѣ или три довольно обширныя комнаты

Тутъ Мицкевичъ весь отдался „Тадеушу“. Писалъ по сто и полтора-ста стиховъ въ день, которые немедля прочитывалъ друзьямъ: Богдану Залѣсскому, Витвицкому и другимъ ближайшимъ. 23-го мая н. ст. поэтъ пишетъ къ Одынцу: „работаю довольно. Кроплю (kropię) мою поэму, которой четвертую пѣснь сегодня dokonчу. Живу въ Литвѣ, въ ея лѣсахъ, корчмахъ, со шляхтой, съ жидами и проч. Рѣдко куда выхожу. Когда бы не эта поэма, бѣжалъ бы изъ Парижа“.

Въ самомъ дѣлѣ, тогдашній Парижъ, съ его безчисленными политическими кружками, съ вѣчными приготовленіями къ революціямъ, съ кучками поляковъ, которые ходили какъ убитые, бросая изподлобья недовольные, свирѣпыя взгляды, производилъ на спокойнаго, мирнаго гражданина, полнаго съ утра до ночи стихами, навѣянными совѣмъ не Парижемъ и не Франціей, непріятное, потрясающее впечатлѣніе. Изъ Польши между тѣмъ приходили самыя печальныя вѣсти о неудачномъ исходѣ экспедиціи Заливскаго, о погибели, и притомъ совершенно безмысленной, нѣсколькихъ десятковъ людей съ большими дарованіями и энергіей, которая могла бы быть употреблена иначе, съ большимъ толкомъ и пользой для родины. Поляки Парижа, члены всякихъ комитетовъ служили панихиды.¹⁾ А на лицахъ французовъ читалось болѣею частію полнѣйшее равнодушіе къ дѣлу поляковъ, если только не презрѣніе. Тутъ, можетъ быть, или немного позже, при подобныхъ обстоятельствахъ и настроеніи, вырвались у Мицкевича слѣдующіе стихи, въ видѣ вступленія къ „Тадеушу“:

«O czym tu dumać na paryskim bruku,
Przynosząc z miasta uszy pełne stuku,
Przekleństw i kłamstwa, niewczesnych zamiarów,
Zapóźnych żalów, potępieńczych swarów?...
Biada nam, zbiegi, żeśmy w czas morowy
Łęklive nieśli za granicę głowy!...»

Такое состояніе духа и усиленные занятія прозой жизни и разрѣшеніе трудныхъ задачъ, задаваемыхъ все болѣе и болѣе поэмой, истощили силы поэта. Онъ сталъ видимо увядать; страшно похудѣлъ; друзья поглядывали на него съ опасеніемъ, но... мѣшать его поэтическимъ работамъ у нихъ не хватало духу. Всѣ они съ гордостью думали тогда, что въ домикѣ, гдѣ жилъ Мицкевичъ, на улицѣ St. Nicolas d'Antin, творилась первая поэма славянскаго міра, а можетъ быть... и всего свѣта, которая, — кто знаетъ, — оставить, пожалуй, за собою все, чтó дотолѣ написано Гомерами разныхъ націй! Какъ же тутъ можно мѣшать писанію? Чья бы польская рука поднялась на это?...

¹⁾ См. вышеприведенное сочиненіе «О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 38—39.

Судьба прервала занятія поэта: изъ Дрездена пришло извѣстіе, что жившій тамъ другъ Мицкевича, Гарчинскій, тотъ самый, котораго сочиненія издавались въ Парижѣ осенью 1832 г., опасно занемогъ и выѣхалъ для поправленія здоровья въ Швейцарію. Мицкевичъ бросилъ все и на другой же день, по полученіи печальнаго письма, полетѣлъ на соединеніе съ Гарчинскимъ. Они переѣзжали вдвоемъ изъ города въ городъ. Гарчинскій гасъ съ каждымъ днемъ и въ Авиньонѣ умеръ. Поэтъ воротился въ Парижъ, на ту же квартиру, и принялся вновь за „Тадеуша“ — около ноября 1833 г. „Стихи, лились,—по выраженію Богдана Залѣскаго,—какъ растопленный металлъ — и по манію чародѣя выливалось мгновенно что было нужно: монументъ, колоколь, пушка“. Въ письмѣ отъ 13-го октября н. ст. 1833 г. Мицкевичъ увѣдомляетъ Одынца: „принялся за работу; пишу и пишу; пять пѣсень „Тадеуша“ окончилъ, остается еще три“.

Наступила зима. Друзья собирались у поэта довольно часто, толковали о томъ, о семъ, выслушивали написанное, пѣли польскія, малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни. Иногда поэтъ рассказывалъ похождения юныхъ дней, въ Новогрудкѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и этимъ заохачивалъ другихъ къ подобнымъ же изліяніямъ сердца. Просилъ, между прочимъ, сообщать все, что имъ извѣстно о жизни литовской шляхты, о тамошнихъ охотахъ, о чемъ придется, чтобы взять изъ этого,—что можно,—въ „Тадеуша“. Витвицкій рассказавъ кое-что о маточникахъ или крепяхъ Бѣловѣжской пущи, даже сообщилъ написанные имъ объ этомъ нѣсколько десятковъ стиховъ. Мицкевичъ взялъ нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ и вставилъ въ свои „лѣса“. Кромѣ этого, по увѣренію Богдана Залѣскаго, во всей поэмѣ нѣтъ ничего чужого, хоть и говорили, и писали, что Мицкевичъ, „съ царственнымъ равнодушіемъ“ позволялъ друзьямъ мѣшаться въ свое дѣло, по крайней мѣрѣ въ „Тадеушѣ“. Богданъ Залѣскій говоритъ, что „другъ ихъ, несмотря на мягкость своего характера, зналъ очень хорошо, что онъ — царь, Наполеонъ польскихъ поэтовъ, какъ его иные называли,—зналъ, что есть разница между его стихомъ и мазаньемъ другихъ — и никогда не допустилъ бы рѣзкаго посторонняго вмѣшательства въ его работу“.

„Тадеушъ“ подвигался къ концу.

Въ половинѣ февраля 1834 г. друзья, собравшись у поэта какъ-то вечеромъ, замѣтили, что онъ особенно шибко выплескиваетъ перомъ по бумагѣ въ своемъ кабинетѣ, когда они, всей кучей, сидѣли въ гостиной. Спустя нѣкоторое время, поэтъ вышелъ къ нимъ: „zobliczem nabrzmiałum, gromiennem“ ¹⁾ какъ Войскій, протрубивъ въ рогъ

¹⁾ «Съ лицомъ раскраснѣвшимся, пылающимъ». (IV-я пѣсня).

на всю Литву, и сказалъ: „Chwała Bogu, oto w sęj chwili podpisałem pod „Panem Tadeuszem“ wielkie finis!“ ¹⁾ Всѣ повторили за нимъ: „слава Богу!“ и воскликнули: „вивать!“ поздравляли поэта и обнимали.

На другой день всѣ отправились въ церковь св. Людовика Антенскаго (St. Louis d'Antin), отслушали тамъ обѣдню и просили затѣмъ поэта пойти съ ними отобѣдать въ Палерояль. Обѣдъ былъ довольно скромный, но тостовъ провозглашалось множество, разумѣется, преимущественно въ честь Адама и его новорожденного инфанта. На другой день былъ опять небольшой кутежъ. Послѣ этого Адамъ пригласилъ друзей ходить къ нему по вечерамъ, говоря, что „предстоятъ еще именины и крестины Тадеуша“. Онъ разумѣлъ подъ этимъ передѣлку нѣкоторыхъ настоящихъ собственныхъ именъ поэмы на фантастическія, или неловко-придуманныхъ на лучшія. Друзья не заставили себя долго ждать. Поэту представлена была куча разныхъ вымышленныхъ именъ и фамилій и онъ взялъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ особенности прислужился этимъ Домейко, литвинъ того повѣта, который изображался въ поэмѣ. Онъ сообщилъ, кромѣ того, множество анекдотовъ и рассказовъ изъ былого Литвы. Всѣмъ этимъ Мицкевичъ воспользовался по-своему. Потомъ „Наполеонъ польскихъ поэтовъ“ пожелалъ, чтобы ему указали всѣ замѣченныя кѣмъ-либо въ поэмѣ недостатки, какъ со стороны содержанія, такъ и внѣшней формы. Друзья сообщили ему свои замѣчанія въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ, кто что могъ. Поэтъ выслушивалъ все это съ перомъ въ рукѣ — и тутъ же производилъ перемѣны и казни. Больше всего досталось Телименѣ, на которую накидывался преимущественно Витвицкій. Многія сцены объ ней были выброшены. Кое-что Мицкевичъ даже замазалъ пальцомъ, окунувъ его въ чернила. Уничтожена, между прочимъ, „исторія съ ключикомъ, сообщеннымъ Тадеушу въ храмѣ Мечты“.²⁾ Пробѣлъ этотъ чувствуется. Когда друзья просили дать имъ списать уничтоженное, поэтъ никогда не соглашался, говоря, что „вырванный изъ пшеницы куколь долженъ быть въ самомъ дѣлѣ вырванъ и заброшенъ“. Кто-то замѣтилъ ему, что въ спорахъ и ссорахъ шляхты есть многое, что нужно бы выбросить или измѣнить, Мицкевичъ подчеркнул указанные ему мѣста, но не вымаралъ ихъ. „Я понимаю, чего ты хочешь, — сказалъ онъ сообщившему эти замѣчанія: — слышу вашъ голосъ съ высей Таранны,³⁾ но не только тутъ: вездѣ надо бы поднять поэму на полтона выше, да этого скоро

¹⁾ «Слава Богу, сейчасъ подписалъ подъ «Паномъ Тадеушемъ» великій finis».

²⁾ Конецъ III-й пѣсни.

³⁾ Taranne et Vaubane — тогдашнія политическія «горы» польской эмиграціи.

не сдѣлаешь. Дверь хлопнула. Поправлюсь можетъ быть послѣ, въ другой повѣсти,— въ сынѣ Тадеуша; не то, всего скорѣе, въ продолженіи „Дзядовъ“.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о выходѣ „Пана Тадеуша“ въ свѣтъ.

Когда еще поэма писалась, львовскій книгопродавецъ, Милковский, просилъ убѣдительно Мицкевича уступить ему право печатанія ея за двѣ тысячи франковъ. Ксендзъ Александръ Еловицкій, узнавъ объ этомъ, предложилъ Мицкевичу четыре тысячи франковъ — и печатаніе началось. Мицкевичъ самъ держалъ корректуру. Въ апрѣлѣ 1834 г. былъ отпечатанъ I-й томъ; въ концѣ іюня, или въ самомъ началѣ іюля по н. ст. вышелъ изъ типографіи послѣдній листъ „Тадеуша“.

Это изданіе Богданъ Залѣскій считаетъ наиболѣе точнымъ, долженствующимъ служить за образецъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій поэмы.

Наиболѣе вѣрная, честная и рѣшительная оцѣнка „Тадеуша“ сдѣлана самимъ поэтомъ, въ письмѣ къ Одынцу въ февралѣ 1834 г.: „вчера кончилъ; вышло огромныхъ двѣнадцать пѣсенъ. Много посредственнаго, но есть и хорошія вещи. Лучшее — картины, писанныя съ натуры.“

Н. В. Вергъ.

Варшава.

F. 8201